

Ташко БЕЛЧЕВ

КАЗАКОФИЛЬСТВО МИФАИЛА ЧАЙКОВСКОГО КАК ПЕРВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ

Казакфильство Михаила Чайковского особенно ярко выражено в его „Мемуарах”.

Период молодости в его рассказах под названием „Гавенды” отражен не совсем точно. Совсем по-иному тот же период отражен в „Мемуарах”, где он освещает его в некоторой степени в традиции полонизма, противопоставленного в этой стране России.

Чайковский здесь говорит и о панславизме в просвещенной среде, где он вращался. Украинское шляхетство последнего поколения Чайковский изображает в своих „Мемуарах” как защитников польско-казацкой идеи.

Примером для него служит дед Михайло Глембацкий, которого он представляет как интересного человека, по-своему любящего, Польшу и одновременно с гордостью вспоминающего предков, вступивших в Запорожскую Сечь.

Чайковский принадлежал к группе молодых шляхтичей, которые братались с народом, несмотря на то, что народ никогда не сближался с шляхтой. В данном случае под понятием „народ” надо подразумевать крестьянство.

На основе „Мемуаров” Чайковского мы можем сделать вывод, что украинское шляхетство старшего поколения сохранило польские традиции, характеризующиеся патриотизмом и ненавистью к России.

Что касается обычаев, они были сторонниками сарматизма и выступали против влияния Запада, против космополитизма, французской моды и т. п.

Молодежь сближалась с народом с целью совместной борьбы за общенациональное благо.

Идейно-политические направления представлены наиболее просвещенными представителями общества (Чайковский здесь имеет в виду профессоров лицеев и гимназий украинских городов и др.). Эти люди были разделены на две партии. Одни стремились создать из казаков рыцарство (имеется в виду вооруженная сила), которое сыграло бы роль бывших крестоносцев или мультанских темплириусов для славян,

Другие проповедовали идею равенства всех людей перед богом. По их мнению, это не было ни шляхетство, ни казачество. Должно было бы существовать украинское право и украинский монарх.

Оба лагеря имели один общий пункт, а именно: они считали, что зло прошлого можно уничтожить при помощи объединения всех славянских народов.¹

Гавроньский, говоря об этих двух направлениях, думает, что в казачестве преобладают аристократические элементы, властолюбивые, смотревшие на казаков, как на корпорацию, наделенную солдатскими качествами, но не национальными. Казак — это в действительности шляхтич, рышарь. А Украина — это крестьянство, толпа, простаки, сборище.

Другое направление было демократическим, вернее демагогическим, близким к славянофилам (которые появились в 1848 году) того времени, когда они с помощью Кирилла и Мефодия стремились создать на земле „божье царство”. Именно это религиозно-демократическое течение, базирующееся на проповеди, что все люди равны глазами бога, утверждало, что так должно быть с человеческими правами в какой-то России, неопределенной ни географически, ни политически, ни этнографически. Это были люди, играющие словами.

Приверженцы казачества придерживались того, что без казаков и шляхтичей будут царствовать топла, анархия, будут убийства и пожары опустошат Украину. А другие говорили: „Ваше казачество — это кнут в руках сильнейшего”.

Надо признать, что и одни, и другие были частично правы и частично неправы, но взаимно дополняли друг друга, ища спасения каждый по-своему, так, как каждый думал и как любил эту страну с рышарством и славянством.

Чайковский в своих „Мемуарах” говорит, что он все это внимательно слушал и все выучил наизусть, как молитву, как десяток божественных сказаний, и с того дня он постоянно думал о казацко-славянском съезде; каждую ночь ему снились эти высказывания о казачестве, об аристократии, о славянстве, и все это навсегда запечатлелось в его голове. Он рос под влиянием этих взглядов, не отступал от них в своей политической жизни.²

И действительно, Чайковский остался таким, каким он был в молодости, верным самому себе. Он не отступал от своих взглядов на казачество даже перед князем Адамом Чарторыйским, которого почитал и признавал самым великим поляком и некоронованным королем. Не отступал ни перед кем, вел споры со всеми, кто не был согласен с его взглядами; говорил, как он умел и мог, о будущем, о силе и о значении казачества, о том, что оно представляет политическую и военную силу, на которую может рассчитывать и опираться славянство, то славянство, которое снилось и о котором всю жизнь мечтал поэт.

На вопрос, поставленный Швейковским в предисловии к „Овручанину”: почему Чайковский думал о независимости Украины, а не России? — Ядвига Петровичева отвечает в своей книге „М. Чайковский как писатель-романист”:

„Ответ на этот вопрос находится в характеристике обоих политических лагерей. Чайковский никогда не был демократом, был только прогрессивным шляхтичем, занятым национальной, общественной и литературной проблемами. Независимость традиционной Украины ничего не изменила бы в ее общественном устройстве”.³

Украине надо было заключить договор с Польшей, и, разумеется, она была бы зависима от польского короля так, как это было в ее историческом прошлом.

А демократическая Россия, которая базировалась на основе всеобщего равноправия, не могла как концепция быть принятой Чайковским, потому что это затрагивало интересы шляхтичей, а Чайковского больше тянуло к шляхте, хотя он называл себя казаком. В действительности это не было свойством восточной психологии, так, как думал Швейковский, а было шляхетством. Впрочем, в этом мы удостоверимся немного позже из его генеалогии.⁴

Объединение обоих направлений в славянофильской идеологии не могло произойти, оно лишь было идеалом Чайковского, так как концепция демократической России и всякая другая, подобная ей, была полностью космополитической, без всякого национального признака.⁵

Из всего, рассмотренного выше о „Мемуарах” и высказываниях Гавроньского, Швейковского и Петровичевой, можно сделать вывод, что все они с большой долей сомнения относятся к данному вопросу. Наиболее справедливой до сих пор остается последняя, и особенно, что касается казакофильства и славянофильства Чайковского, несмотря на то, что Петровичева во мномом согласна с Швейковским и Гавроньским. Она в действительности признает справедливость Чайковского. Это видно из высказанного ниже:

„Одновременно среди молодежи, сверстников Чайковского, которая была под влиянием вомантических лозунгов, могли свободно распространяться разные течения, как народничество, украинизм, славянофильство и, наконец, казакофильство. Причины заинтересованности Чайковского этими течениями вполне объяснимы”.⁶

Если так, значит Чайковский ничего не выдумывал, только вспоминал в „ Мемуарах” свои младенческие бурные годы. Петровичева оправдывает это его происхождением, потому что его мать была внучкой запорожского гетмана Яна Бжеховецкого, от него в доме Чайковского сохранилось богатое наследство - семь книг, написанных собственноручно на пергаменте. И, по мнению автора, в этом мы должны искать причины казакофильства Чайковского.⁷

Несомненно, в этом есть логика, так как Петровичева, утверждая славянофильство Чайковского, опирается на факты, высказывающие одну истину о причинах зарождения этой идеи, несмотря на то, что она не должна быть неоспорима.

Тогда на очереди возникает вопрос: почему Чайковский до конца не остался на этих позициях, а искал другого выхода, например, в балканофильстве (несмотря на то, что Чайковский кровно не был связан с южными славянами, он больше времени работал над вопросом сближения поляков с балканскими славянами), потом в туркофильстве и, наконец, в славянофильстве и панславизме он пытался найти общий язык с папой, но очень скоро разочаровался и, наконец, возненавидел и самого Черторицкого из-за его вассальства на Западе?

И еще один вопрос: для кого Чайковский все это делал, если не для поляков и всех поработенных славянских народов вообще? Мы не можем, мы не имеем права свалить все на его „непостоянный” характер, как это пытались сделать многие, „доказывая” его „бесхарактерность” и т. п.

2

Чайковский не оставался долго в Варшаве. Может быть, потому, что в среде варшавской академической молодежи отсутствовала атмосфера, которая была на Украине. Его, видимо, убивала тишина. Он не услышал ни одного слова о казачестве в столице, не нашел воплощения этой идеи в столице Королевства. Или Чайковский не нашел общего языка с этой средой, или их разделяла пропасть.

После смерти матери Михаил был вынужден прекратить учебу. Он должен был взять в свои руки все проблемы, связанные с имением, а их было немало, и они были нелегкими. Часть имения он уступил своим сестрам. В его владении остались земли: Хальчинц, Агатувки и Щемак. Вскоре умер и его дядя, который оставил ему в наследство многие земли, как Чайковский, Шенявки, Кренты Поток и Быковка. В Чайковском находился стекольный завод и в Крепты Потоке — сталелитейный завод.

Это было огромное имение, которое поставило Чайковского в ряды богатых ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ Украины. Если согласится с Гавроньским, который называл Чайковского картежником и расточителем, а он имел для этого деньги, надо бы было искать его в этих, кругах.⁸

Но это было не так. Его мы находим не в среде картежников а в среде самых знаменитых людей того времени. Он стал принципиальным человеком и великим поляком. Его мы встречаем среди первых в рядах восставших в Польше в качестве офицера кавалерии Ноябрьского восстания 1830 года, потом в списке членов Демократического общества в эмиграции, сотрудником князя Адама Чарторыйского и Адама Мицкевича. Он стал автором ряда романов с казацкой и балкано-славянской тематикой. Из казаков он пытался создать общеславянскую армию „будущей” федерации южных и западных влavian.

Стремление стать великим и знаменитым человеком побудило Чайковского принять активное участие в Ноябрьском восстании; и ему было суждено, как и другим эмигрантам, уехать далеко от Украины и

Польша. Чайковский никогда не отказывался от своих идей и стремлений. Проследив путь его борьбы, мы встречаем его в среде демократического общества в качестве писателя и в качестве теоретика украинского казачества, теоретика украинской поэзии и вообще культуры казачества.

В декабре 1835 года в Париже состоялся Съезд европейских историков. В нем Чайковский принимал участие как делегат от Демократического общества.⁹

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ЗНАЧЕНИИ КАЗАКОВ В ДОКЛАДАХ МИХАИЛА ЧАЙКОВСКОГО И ЯНА ЧИНСКОГО.

В вышеупомянутом Конгрессе, целью которого было познакомить широкую общественность с последними достижениями науки и культуры в областях исторических и естественных наук, а также с искусствоведением участвовали англичане, итальянцы, швейцарцы, бельгийцы, испанцы, португальцы, греки, шведы, русские, турки и ОДИН казак, как указывается в отчете Конгресса, в котором не говорится об участии поляков. Говоря об участии Яна Чинского, Ядвига Петровичева пишет, что он принимал участие в Конгрессе как представитель от Демократического общества. Отсутствие его имени можно объяснить или невнимательностью отчитывающихся, или он намеренно не хотел, чтобы упоминалось его имя.

Если мы будем считать справедливым второе утверждение, что вполне реально, потому что Чинский в своем докладе „Каково было казачье влияние на литературу, науку, искусство и цивилизацию главным образом севера и востока” и вообще в выступлении, которое оставило отрицательное впечатление, поставил Польшу на второе место. Тогда становится ясным, почему Польша в докладе Чинского выступает второстепенно и как антагонистка казачества. Такое отношение Чинского к Польше привело его к невыгодному положению.¹⁰

В начале своего доклада Чинский подчеркивает цель, с которой выступает о казацком вопросе. Он старался, как мог, внушить такой исходный пункт и такое мнение, которые выражал как демократ и республиканец, т.е. мнение представителей того общества, с позиций которого он выступал. По мнению Чайковского, казаки с момента своего появления на берегах Днепра создали один из лучших республиканский строй. В этом можно отметить тенденциозность и односторонность Чинского. Далее Чинский говорит об историческом процессе развития казачества. Он подробно, довольно торжественным тоном говорит о роли и заслугах казачества. Он показывает их смелыми и бесстрашными бойцами в битвах со своими врагами, подобными ханам, султанам и царям. Но одинокие, они не были в состоянии дойти до победного конца, и потому в лице Польши искали союзника. Чинский пишет, что Польша стала для них новой, приспособленной отчиной, что они служили ей верно и преданно до тех пор, пока эта „отчизна”

умело проводила соответствующую и мудрую политику, начиная с времени Стефана Батори. Режим Республики сократил век союза с казачьими республиками, где не было ни каст и где не знали, кто такие илоты (испанские рабы), кто такие шляхтичи и крепостные.¹¹⁾ Причины этого зла Чинский видит в плохом отношении польских шляхтичей, иезуитов и унии к этому союзу. Отрицательное отношение к казакам, которое исходило из неправильной политики, одновременно было началом бунта и его последствий, которые явятся, результатом казацкого недовольства этой политикой. В результате этого одно за другим начались восстания казаков. И опять новые ошибки последовали после подавления первого восстания, возглавленного Павлюком и Наливайко.

Польская шляхта террором начала душить свободу этого народа, то, чего никогда бы не позволили казаки. Можно ли было таким образом достичь прочного союза между польской олигархией и казачьей демократией — спрашивает Чинский, и сам отвечает: Нет! Шляхтичи и иезуиты хотели царствовать без всякого раздела власти, а из этого свобододлюбивого казацкого народа стремились сделать рабов.

Далее Чинский описывает мучения, пытки, жестокое отношение шляхтичей к непокорным казачьим народам. В результате такого отношения к побежденным, но непокоренным казачьим народам начинается народное восстание, которое возглавил Богдан Хмельницкий. Чинский не скрывает всей истины жестокого наступления Речи Посполитой на казаков. Победив, Хмельницкий не остался равнодушным в отношении князей и польской шляхты. Взбунтовавшиеся казаки безжалостно убивали, сжигали, грабили богатства польских панов на Украине. И, разумеется, для поляков бывшие свобододлюбивые и добрые казаки стали варварами и разбойниками, и таковыми польские шляхтичи-властители и некоторые писатели представили их Западной Европе, несмотря на то, что они, став победителями, остались благородными и великодушными.

По мнению Ядвиги Петровичевой, последние слова Чинский ничем не аргументирует. Это служило ему как бы противопоставлением жестокости польской олигархии.¹²⁾

Чинский не только осуждает это поведение польской шляхты, но даже считает его самым большим преступлением, которое могла совершить польская шляхта во имя Речи Посполитой. В этом Чинский видит причину падения Польской Республики. Чинский думает, что казаки после поражения как реально существующая сила не отказались от идеи быть свободными. Этот народ продолжал культивировать её и в дальнейшем.

История знает, что казаки были обмануты и использованы русским царем, точнее русскими боярами для своих личных интересов. Но они и здесь не перестали быть непокорными. Бояре изменили казакам, которым обещали богатства, и казаки начали третье восстание под руководством Емельяна Пугачева во имя освобождения Севера и освобождения от власти тиранов.

Далее Чинский говорит о времени наполеоновских войн, к которым казаки не оставались равнодушными, и, наконец, о времени Ноябрьского восстания 1830 года. Чинский даёт понять, что казаки и в дальнейшем являлись огромной революционной силой в деле преобразования славянского севера и освобождения от русского монарха.

Выступление, несмотря на то, что называлось „Каково было казацкое влияние на литературу, науку, искусство и цивилизацию главным образом севера и востока“, — в действительности было посвящено борьбе и восстаниям казаков, которые боролись во имя свободы, т.е истории этого непокорённого народа. А о влиянии культуры на север и восток Чайковский вспоминает совсем мало в конце своего выступления, говоря о делах, касающихся деятельности Аласова на Комчатке.¹³

Чинский в лице Чайковского нашел человека, разделявшего его взгляд на казачество. Петрови́чева предполагает, что Чайковский принимал участие в Конгрессе с помощью Чинского.¹⁴

В связи с этим не существует письменная документация, подтверждающая это мнение; между прочим, это не имеет в данном случае решающего значения для нас. Факт, что они были единомышленниками и верили в силы казачества, которое было бы использовано в практической борьбе за освобождение поработанных славянских народов на западе и на юге.

2.

В начале третьего заседания вышеупомянутого Конгресса выступал Чайковский. Так как автор фигурирует в материалах Конгресса как казак, истинным представителем казачества, его истории и культуры является Чайковский, потому Чинский не фигурирует ни как казак, ни как поляк. Значит, официально от имени казачества и о казачестве будет говорить Михаил Чайковский в своем выступлении реферате „Каково было влияние казаков на литературу главным образом севера и востока“. Автор в своем выступлении поставил цель - высказать все то, чего не сказал, а только коснулся Чинский, а именно - сказать о влиянии казаков на литературу славян. Начало, посвящённое генезису казачества, привело его в тупик, так как оно не был хорошо знаком с существующими материалами (имеется ввиду прежде всего хроника византийских хроникёров).

Чайковскому что-то мешало, и он всю жизнь остался сомневающимся. Он был уверен, что польские и русские историки стояли на неверном пути в вопросе о происхождении казаков. Ошибка Чайковского состоит в том, что он „теоретизировал“ происхождение казаков, не опираясь на конкретные даты при историческом анализе времени, отождествляя современных казаков с теми, от которых осталось только имя.

Чайковский сам проходил из этой среды, рос в этой среде, он близко познакомился с её культурой, её народным творчеством, цивилизацией и т. п. Чайковскому было трудно понять совершившийся про-

цесс ассимиляции казаков, среди которых он жил, а именно донских, днепровских, днестровских славян, и потому Чайковский не соглашался с какими бы то ни было историками и хроникёрами в том, что казаки не имеют славянского происхождения.

Несомненно, что он в своих утверждениях опирался на „Историю турков „Абул-Хассы-Бандур-Хана, который, будто бы, считал казаков славянами, точнее племенем славянского происхождения. Чайковский ищет „доказательства” и у других историков для подтверждения этого „факта”. Турецкий историк называет их „хозарс”. Об этом племени Константин Порфирогенет пишет, что оно расселялось около Днепра, Днестра и Дона. В его книге „Козахия” описанные нравы и обычаи, общесветное устройство, их особенности и другое вполне совпадают с теми же качествами, о которых говорит Чайковский. Это свое мнение он обосновывает, опираясь на византийских хроникёров, которые в его труде выступают как грегорианцы. В этих хрониках казаки (козары), которые защищали восточное царство от вторжения персов и турков, выступают как великие и храбрые воины. Плохо у Чайковского то, что он небрежно относится к датам, а чаще всего он абстрактен в своих высказываниях. После всех этих событий казацкое племя неожиданно исчезает с исторической арены, и Чайковский шлет:

„Глубокая тишина наступила после этого события, спустя столетие, на той же почве, с теми же нравами, с теми же учреждениями и с той же демократической властью опять появляется на арене казацкий народ; никакой моральной и физической разницы не существует между наследниками и предками. Разве это может, если даже допустить, что буква „К” замелисаль „Р” (КОЗАК-КОЗАР), которая заканчивает слово „КОЗАР”, вызвать предположение, что существуют два народа в одном единственном?”¹⁵

Несомненно, что Чайковский работал над своим рефератом с известной тенденцией. Он искал и хотел заранее дойти до таких „фактов”, которые свидетельствовали о славянском происхождении казаков. Его смущало одно важное обстоятельство, о котором он говорит, а именно современные казаки, которые говорили на славянском языке (украинском) в той среде, где он рос, а позже воевал вместе с ними. Весьма возможно, что ему было тяжело согласиться с польскими учеными, которые на основе „Козахия” Константина Порфирогена утверждали, что казаки не славянского происхождения. Факт заключается в том, что от этих казаков не осталось ничего с этнической или племенной точки зрения, кроме имени. Таких примеров история этнологии знает много: болгары, тракийцы, македонцы и др.

Но дело в том, что Чайковский либо не знал об этих примерах, либо намеренно не хотел знать и продолжал развивать свою „теорию” о славянском происхождении Казаков, опираясь на общность языка казаков и козаров. По Чайковскому, язык казаков испытал на себе из-

вестное влияние татарских говоров. Это прежде всего касается казаков, которые жили у рек Дон и Урал, в то время как украинские казаки говорили на языке славянских диалектов (восточнославянских).

„Та же самая сила, — пишет Чайковский, — тот же пафос в описании подъема борьбы, нежность любви, кровь, которая течет в дни резни в враждебном городе, боль матери, узнавшей о смерти своего сына и т.п.”¹⁶

Для Чайковского абсолютно ясно, что за одно столетие не могли быть уничтожены казаки и козары, это абсурд, фантазия историков. Украинские казаки легко ориентировались в различных славянских говорах, и это для Чайковского является еще одним аргументом их славянского происхождения. И, разумеется, созданная им „теория” служила ему исходным пунктом для того, чтобы шире сказать и о письменной культуре его любимых казаков. Чайковский не только утверждает, что у казаков есть своя поэзия, но, что самое важное, — она исконная, и что эта поэзия оказала огромное влияние на западнославянскую, а конкретнее — на польскую поэзию.

Он, базитуюсь на „Слове о полку Игореве”, изданном в 1806 году, зашел так далеко, что Бояна считал за козара, значит за одного из предков казаков, и назвал его „отцом казацких поэтов”. И такая поэзия:

„Боян бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы”¹⁷ — станет источником вдохновения для будущих казацких поэтов. Они, — как пишет Чайковский, — не искали вдохновения ни у муз, ни у небесных богов, ни в татарском прошлом. Они богаты поэзией, вдохновенной их родной землей, которую воспевают. В своем реферате он пытается делать анализ исконного в этой поэзии. В ней есть аллегория, и Чайковский дает пример:

„Боян бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы”¹⁸ — это есть вершина психологического творчества поэта, выражение сокровенных тайн человеческого сердца, изливание человеческих чувств в поэзии. Орел, рассекающий крыльями облака, олицетворяет стремление к полету, то-есть своеобразный прием выражения чувства поэтического творчества.¹⁹

В продолжении говорится об этой поэзии и ее творце. Чайковский перед широкой аудиторией Конгресса в Париже приводит образцы народно-поэтического творчества, которое близко Бояну или вытекает из того же источника. Орел сообщает матери о смерти ее сына-казака, павшего на поле боя. Или: единственный друг казака, умирающего на поле боя, — конь.

В своем реферате Чайковский пытается найти следы влияния казацкой поэзии на поэзию западных славян. Автор своеобразным

способом рассматривает польскую поэзию и утверждает, что в ней не существует исконно польских признаков, что она чужая польским славянам, что она испытывает западное влияние. Польский народ, более цивилизованный, чем казаки, не успел создать свою оригинальную поэзию и литературу вообще, а менее цивилизованное казачество успело создать свою народную литературу. По Чайковскому, даже и Ян Кохановский (1530—1584), который считается отцом польской поэзии, не создал оригинальную поэзию, а унаследовал ее от греческих поэтов и особенно от Гомера. А до него Миколай Рей испытывал влияние латинской поэзии. Чайковский имеет такое же мнение и о польской поэзии 17 века. Чайковский считает, что и Жиморовиц, и Шимоновиц были только имитаторами латинских идилий и буколик.

В творчестве этих выдающихся представителей польской поэзии не существует ничего польского, кроме языка, а тематика, содержание, колорит, форма и все остальное были скопированы с латинской поэзии. И даже поэзия периода польского просвещения остается чужой: она испытывала влияние французской поэзии.

До появления Мицкевича в польской поэзии Чайковский не признает ничего народного, национального, ничего исконного в польской народной поэзии. Он даже Мицкевичу намекает, что его раннее творчество испытывало влияние немецких романтиков.²⁰

Эту односторонность и тенденциозность в его высказываниях и суждениях о польской литературе легко можно объяснить. По его мнению, истинную польскую поэзию создал Залеский (1802—1886), потому что он писал, опираясь на поэзию казачества.

Чайковский стоит на позиции, что казацкая поэзия была игнорирована поляками и что причины этого игнорирования скрыты в религиозной разнице (католицизм и православие) и в вечных стремлениях польских панов подавить свободолюбивый дух казаков. Чайковский утверждает, что польская поэзия ожила с появлением Малчевского (1793—1826), он имеет ввиду его роман в стихах „Мария”; с Гошчинским (1801—1876) и его произведением „Каневский замок” и, наконец, с Падура и его книгой „Спеваньки украинца”, которые Чайковский назвал „Украинские мелодии”. По мнению Чайковского, эти польские писатели прославились украинской тематикой не только в стране, но и за рубежом. О них знала вся Европа. И он приходит к выводу, что казацкая поэзия, которая легла в основу творчества этих поэтов, стала источником польской национальной поэзии. Несомненно, что все это исходит из его славянофильства.²¹

В реферате Чайковского приведены истины и факты, но способ анализа их не вполне убедителен с научной точки зрения. Прежде всего его доказательство происхождения казаков неубедительно, несмотря на то, что он указывает источники, на которые опирается, утверждая свой тезис об их славянском происхождении. Приведенные им авторы-Константин Порфириген и Абул-Хасси-Хан не подкреплены цитатами и конкретными их высказываниями. По утверждению Чайковского, Абул-Хасси-Хан пишет, что казаки славянского происхождения, но

вот автор „забыл” назвать источник турецкого историка, в котором он высказал эту гипотезу. И в этом случае Чайковский опять опирается на свою казакофильскую идею, в которой ищет спасения польской нации, попавшей в когти тройного рабства. Его казаки были воинственными и говорили по-украински. Этого было довольно для него, и так как на Конгрессе ни у кого не было ни книги Константина Порфириогена, ни труда Абул-Хасси-Хана, влюбленному в казацкую поэзию, ему легко было сдаться всех казакофилами, даже и упомянутых авторов, которые дали ему материал о „славянском” происхождении казаков.

Что касается книги „Козахия” Константина Порфириогена ее использовал и Ян Потоцкий (1761—1815), ученый, посвятивший двадцать лет своей творческой деятельности вопросу о происхождении славян.

В своем труде „Первобытная история русских народов...”, изданном в 1802 году, он вполне обоснованно доказал происхождение казаков, базируясь на авторитете Константина Порфириогена.

По мнению Потоцкого, территория, населенная казаками, простиралась по берегам Азовского моря. Казаки — это не славянское племя, но они были покорены русскими славянами под руководством Митислава. На основе „Козахии” Потоцкий пишет, что казаки происходят от скифского племени.

В своей книге под названием „Примитивная история русских народов с полным изложением всех местных, национальных и традиционных признаков, необходимых для понимания четвертой книги Геродота”, на ст.р 188, Потоцкий пишет:

„Во время правления императора Константина Порфириогена около Азовского моря существовало два княжества, из которых одно называлось „Козакия”, а другое, — „Алания”, последнее в действительности было „Асипургиум”. Спустя полвека, Мстислав, сын Владимира, пришел, возглавляя славян, на остров Таман, где воевал с принцем жасов и косагов и завоевал их страну. Славяне Мстислава после победы над принцем косагов и завоевания Козакии, стали казаками.”²²

Весьма возможно, что именно в этом и есть противоречие между Чайковским и Потоцким (Мы не знаем, имел ли Чайковский книгу „Примитивная история...” Я. Потоцкого, потому что он нигде не упоминает ее). Вероятно, Чайковский это место в книге Порфириогена „Козахия” понял по-своему, а именно: подчиненные Мстиславу славяне стали казаками, а непокоренные казаки стали славянами. Чайковский родился и рос в среде казаков, которые говорили только по-славянски с некоторыми чужими словами в их диалектах, и ему было трудно по-другому объяснить эту гипотезу, как ее объяснил Я. Потоцкий в своем научном труде. Нет сомнения, что исконные казаки происходят от скифского племени и что они не имели ничего общего со славянами до того времени, пока не были побеждены и покорены русскими славянами. Примером этому могут служить болгары. До тех пор пока они не были покорены славянами как племя, они не имели ничего общего с

ними, потом же болгарское племя слилось с огромным потоком славян, пришедших к ним, и от них осталось лишь одно имя. Что-то подобное случилось и с казаками. Речь идет об исконных казаках, а не о казаках Чайковского. И так как нет сомнения, что исконные казаки не были, славянами, но скифами, так же казаки Чайковского с богатым народно-поэтическим творчеством, с сохраненными обычаями были славянами и остались таковыми. Было бы смешно сейчас, во времена Чайковского и несколько столетий до него искать какого-либо признака скифов между казаками. От них осталось только имя так же, как сохранилось только имя македонцев, тракиицев и т.п., народов, побежденных и покоренных более многочисленными племенами.

Равита Гавронский, который также занимался творчеством Чайковского, вот как высказывается о генезисе казаков:

Гипотеза о турецком происхождении является до максимума точной. Гавронский базируется на мнении Яна Потоцкого, на материалах русских исследователей и немецкого историка Энгела, историка Сенковского и даже на мнении Карамзина. По утверждению Гавронского, такое же мнение имеет и новейший польский историк, известный Александр Яблоновский, он также базируется на старорусской гипотезе, которая вполне не совпадает с польской.²³

Исследования самого Лессура опровергают такую возможность происхождения, как было сказано выше, потому что оно лишено всякой исторической вероятности, несмотря на иллюзорную аналогию „козаков” и „козаров”. Существенный генезис казаков Лессур видит в татарских племенах; часть которых в 9 веке оказалась в Европе под названиями „козаков”, „узов”, „половцев”²⁴

Признаки обычаев позднейших казаков, их религия не имеют связи с их происхождением. Они как соседи приняли славянские обычаи, а религию взяли у греков.²⁵

По мнению Бандишь-Каменского, происхождение казаков неопределенно. Они не были известны миру до 15 века. Он был приверженником старорусской гипотезы. Казаки переселились за Днепр с Кавказа и были в кровной связи с черкесами.

А Чайковский в своем реферате, „опираясь” на Порфиригена утверждает, что „козары” населяли побережье Днепра, Днестра и Дона и это является фактом, но в реферате не указывается, о каком времени идет речь. В этих вопросах хронология имеет важное значение. Потоцкий также, опираясь на „Козахию” К. Порфиригена, утверждает, что земля Козахия находилась около Азовского моря и что она была населена казаками, которые происходили от татарских племен, а конкретнее от скифов. По словам Потоцкого, в начале 11 века Мстислав, сын Владимира, отвоевал остров Таман у одного принца, о котором Нестор не упоминает, но говорит, что был вождем жасов и касагов, значит владетель Алании и Козакии, о которых говорит Константин Порфириген.

По словам монахов 13 века, жасы в действительности назывались „асы”, о которых говорили, что они такие же, как аланы.²⁶

Может быть, Чайковский не знал монографии Лессура или намеренно игнорировал ее, потому что она противоречила его теории о происхождении казаков, о которых Лессур, между прочим, пишет, что в широких степях Украины и даже у границ Крыма было еще несколько скифских племен, как сарматы, хуны, акациры, кациры или кацажеры-виды военной демократии. Они всегда были готовы присоединиться к тем, кто хотел их купить и стать их покровителем, все это зависело от их пристрастия и их интересов в данный момент. Если граждане организуют разбойничьи группы в одном созданном государстве, то какую картину будет представлять эта оккупированная хордами страна, без законов, без искусства, без общественной собственности, люди которой живут только грабежами и часто меняют место, государство и имя. Именно в этом Я. Петровичева ищет причину объединения этих воинов, чабанов и пиратов, групп, образованных из остатков разных народов в которых преобладали скифская и татарская расы. Этим старым конфедерациям надо приписать тот признак, который Шерер нашел восстановленным у казаков Украины и который принуждает нас считать, что их происхождение относится примерно к 9 веку.²⁷

Научный подход Чайковского к решению проблемы о происхождении казаков отрицают все те, кто занимался этим вопросом в Польше, и прежде всего Гавроньский и Петровичева, которая рассматривает творчество Чайковского в своей книге „Михаил Чайковский как писатель-романист”. О гипотезе Чайковского мы находим следующие мысли в этой книге:

„Эта гипотеза не может быть изложена на научной основе в такой краткой статье Чайковского. И, разумеется, его целью было склонить слушателей в сторону славянского происхождения казаков, базируясь на мнениях двух авторов, но неизвестно, имеет ли этот вопрос что-то общее с истиной.”²⁸

Если мы согласимся с мнением Петровичевой, которая базируется на „Примитивной истории...” Я. Потоцкого и верит автору на основ доверия, тогда, как совместить это мнение с тем, что она пишет далее

Однако трудно утверждать (то, что сказано выше), если нет в руках ни „Козахий” К. Порфирогена, ни труда Абул-Хасси-Хана, остается только косвенный путь: утверждая известную неточность Чайковского, который опирался в своих высказываниях на разных историков, мы можем сомневаться в истинности Абул-Хасси-Хана, высказавшего эту гипотезу.²⁹

Я. Петровичева, обосновывая свое мнение о происхождении казаков, пишет:

„Средневековые писатели называли скифами все турецкие и татарские племена. Итак, казаки в свете исследований К. Порфирогена и Потоцкого суть татарского происхождения. Впрочем, это подтверждают и самые новые исследования. Потоцкий также

вспоминает и о козарах, о племени, которое также принадлежит к скифам и не имеет ничего общего с казаками.”³⁰

Как видно, и здесь идет речь об ошибочности мнения Петрови-чевой, потому что Михаил Чайковский в своем реферате говорит о славянах, о людях с исконно славянской культурой, без чужого влияния, о массе людей православных, с славянскими этническими чертами, которые известны под именем украинских казаков.

Потоцкий в своей „Примитивной истории. . .” говорит о козарах и считает, что они произошли от скифов и не имеют ничего общего с казаками.

Эта „теория” Чайковского о славянском происхождении казаков имела далеко идущую цель, несмотря на то, была она удачной или неудачной. На помощь ему пришел Чинский (1801—1867) или наоборот. Чинский, этот еврей по происхождению, был вполне согласен с теорией Чайковского о славянском происхождении казаков, и на Конгрессе, дополняя друг друга, они доказали, что в Польше существует оригинальное народно-поэтическое творчество, помимо художественной литературы, поэзии, находящейся под чужим влиянием. Чтобы не было сомнений, касающихся термина, что такое „народное” и что такое „национальное”, Чайковский в своем реферате объясняет или, лучше сказать, дополняет:

„Даже в песнях надо различать национальное и народное. Национальная песня — это песня, созданная художником, поэтом. . . , в то время как народная песня — это дело человека из народа. Казаки создали третий вид песен, которые одновременно являются и народными, и национальными.”³¹

Этот вид народной поэзии касается только казаков. Это одна из характерных исконно славянских черт у казаков. И Чайковский признает их превосходство над поляками в народно-поэтическом творчестве. Чайковский, ища причину этого факта, приходит к выводу, что это чисто политическая причина. Казаки в этом отношении превосходили поляков. Такого же мнения придерживается Чинский, утверждая, что они были способнее поляков. Их гений возносился высоко без препятствий, в то время как поэтическое вдохновение польского крестьянина было подавлено католическим духовенством и „шляхтой”, а в качестве компенсации он утверждает, что польская художественная поэзия обладает высшими качествами и стоит над вышеупомянутой казацкой поэзией. В этом есть истина, если иметь в виду тот факт, что украинская художественная поэзия стала развиваться с того момента, когда на Украине появился Тарас Шевченко.

И Чайковский, и Чинский начали идеализировать казацкую поэзию как выражение и форму, как достижение одной определенной общности, которая отображает жизнь этого общества. Их слабая сторона как ученых состоит в преувеличении некоторых особенностей, исходившем из идеализации казачества. Это особенно чувствуется в

реферате Михаила Чайковского, что принуждает нас считать его псевдоученым.

Итак, его реферат не имеет глубокой научной основы. Чайковский не только считает казаков исконными славянами, но и народом, наиболее близким польским славянам, и единственное, что разделяет их, — это религия (католицизм и православие), а сам Чайковский настроен антикатолически, потому что эту религию считает основной причиной, которая отделила польских славян от других славян Востока и юга.

КАЗАКОФИЛЬСТВО МИХАИЛА ЧАЙКОВСКОГО В ЕГО „КАЗАЦКИХ ПОВЕСТЯХ”.

В „Мемуарах” Чайковского мы встречаем и тот эпизод, который является решающим для судьбы его несомненного таланта повествователя, посвященного сближению казаков и поляков. Речь идет о встрече на обеде у генерала Шнайдера в Париже. Здесь он встретился с французским полковником Бригевием, одним из редакторов журнала „Реформатер Милитер”, на которого Чайковский произвел огромное впечатление как повествователь, когда он рассказывал ему о своих приключениях во время войны. Полковник посоветовал ему либо вступить в ряды французской армии, либо начать писать. Он ему рассказал так много о его таланте, что Чайковский, вернувшись домой, написал:

„Я в голове создал план повести о казаке Михненко, в которой хотел объяснить связь, существующую с дредних пор между поляками и казаками, и указать те большие услуги, которые казачество могло бы оказать Польше. Я не поднялся из-за стола, пока не закончил повесть.”³²

Полковник Бригевей, конечно, сразу отпечатал ее в „Реформатер Милитер”. Историческая личность является главным героем рассказа. Он был одним из полководцев Богдана Хмельницкого во время сражений с Польшей на белорусской земле. Это первая повесть из цикла рассказов написанных Чайковским на французском языке, когда он находился в Париже (1835—1841). Эти годы считаются в то же время и первым периодом творчества Михаила Чайковского. Потом Чайковский пишет на польском языке следующие произведения: „Казакские повести” (1837), „Вернихора” (1838), „Кирджали” (1839), „Стефан Чарнецкий” и „Гавенды” (1840), „Кошотова”), „Украинки”, „Овручанин” и „Украинский гетман” (1841). Повесть „Анна” была издана в Париже в 1840 году, а год спустя, — в Познани.

За исключением романа „Кирджали”, тематика которого чисто балканская, все другие произведения имеют украинско-польское содержание, служащее осуществлению задачи сближения этих двух народов.

Первый период литературной деятельности Чайковского можно охарактеризовать как казакофильство с соответствующими польскими

элементами. Отношение к творчеству Чайковского этого периода в польской литературной критике было разное. Некоторые критики считают его большим мастером слова и отводят ему первое место среди польской эмиграции на Западе в качестве романтического писателя, а другие вообще не признают его как писателя.

Попробуем выяснить причины такого отношения к нему и к его творчеству. Первым, кто занялся анализом его творчества, был Михаил Грабовский. Он, по его словам, на основании двух прочитанных им повестей делает вывод, что Чайковский вводит „украинский поэтизм” в польскую литературу. Он, в отличие от других критиков, успел создать свое определенное отношение к форме поэтической прозы. Грабовский в основном признает писательский талант Чайковского, несмотря на то, что он не успел выделить из всех элементов присутствующих историческому роману эпохи романтизма, то новое, что внес в них Чайковский, так как исторические романы Чайковского нельзя считать конвенциональными.

Вслед за ним, на основании „Казацких повестей” свое мнение выражает и критик Ропелевский. С его точки зрения, Чайковский не представляет собою крупного писателя. Он обвиняет его за нарушение композиции романа этого периода, а также за его стиль и язык. Верещинский же обвиняет Чайковского за поверхностность его романов и плохое знание исторических фактов и истории в целом. Ему не нравится и способ изображения главных героев, которым пользуется Чайковский (образы Коницкого, Конашевича, Шаха и др.). По его мнению, „Казацкие повести” были написаны на колене. Единственное, что признает он автору, — это инстинкт и чувство прекрасного при выборе им действующих лиц. На самом деле, этих трех критиков смущали смелость автора и его богатое поэтическое воображение, присущее его „Казацким повестям”.

Грабовский стоит на той точке зрения, что не надо было бы вводить поэтическую прозу в исторический роман, потому что это создает произведение нового качества. Он утверждает, что стиль поэмы не может быть стилем повести или романа. Как пример он приводит повесть „Будем молиться и воевать”³³

Как понимал Ропелевский термин „творческий метод”, который игнорировал Чайковский, он объясняет с той точки зрения, на которой стоит как критик поэтической прозы Чайковского, созданной в нетрадиционном и общепринятом стиле, но вполне оригинальным, исконно чайковским способом опозитизированной прозы. В сущности, ему мешали оригинальность и самобытность стиля, источник которых находился в украинской поэзии, откуда он брал не только тематику, но и форму, и колорит, и содержание, и все остальное, дополненное необычной одаренностью поэта-рассказчика в „прозе”.

Ропилевский, как будто обвиняет и Грабовского, который недвусмысленно признает талант Чайковского, человека, у которого „нет” творческого метода.

Михал Грабовский, — пишет Ропилевский, — признавая неоспоримый талант Чайковского, злился на него за излишества в колорите, за то, что при описании он увлекается мелочами. Далее Ропилевский обвиняет Прабовского в неточности оценки Чайковского и говорит:

Начинающие писатели, как дети, рвутся в яркую одежду, понимая, что впечатление зависит не от того, чем располагаешь, но от того, как блестяшь.³⁴

Если рассмотреть высказывание Гавроньского, первого биографа Чайковского, с современной точки зрения, который утверждает, что „Эти сочинения сегодня уже нельзя считать романами”, потому что в них не существует единства действия, не существует одно воспоминание, один случай или один образ, а существует только содержание. Мы вынуждены констатировать, что высказанная мысль слишком поверхностная, потому что „Казацкие повести” и сегодня не утратили своего значения в польской литературе не только как занимательные произведения польского романтизма, но и как художественные произведения.³⁵

Наряду с такими высказываниями в польской критике сороковых годов 19 века, в которых игнорируется Чайковский как заслуженный писатель и известный борец за дело Польши, на его стороне в качестве защитника стоит Миколай Яловицкий со своей статьей, опубликованной в 1840 году в журнале „Третий май”. Он, между прочим, пишет, что именно эти особенности, которые характеризуют творчество Чайковского, делают его необычным писателем.

Если автор как художник занял высокое место в литературе, то как поляк, глубоко понимающий польское дело, предпочитающий, историю и современность, которые учат быть обязанным и ищут отцов, ищут земной рыцарский дух, который, почти, как веру, мы распространяем, — автор стал в ряды заслуженных отчизны.³⁶

Яловицкий, очевидно, знал больше высказываний о Чайковском как о писателе и борце за освобождение Польши и, наверное, знал мнение и Адама Мицкевича. Иначе нельзя объяснить такой смелой позиции в пользу Чайковского, и может быть, единственно справедливои.

Этот общий взгляд на творчество Чайковского, который отмечает положительные качества писателя и понятие национального духа, можно отнести ко всем его сочинениям, и все это принуждает нас еще раз вспомнить слова Мохнацкого, что „литература-это национальное сознание”³⁷

Яловицкий считал Чайковского необыкновенным писателем, человеком, заслужившим любовь отчизны, человеком, писавшим о том, что было в его сердце.

Чайковский именно писал о том, чего требовал от него читатель: „Свирай мне то!” — это обычные слова читателя, которые для автора являются эхом собственных чувств и мыслей.³⁸

В этом нет случайности, все осмысленно и заранее определено, о чем пишется и кому предназначено.

Яловицкий не идеализирует автора „Казацких повестей”, напротив, он реально смотрит на то, что сделал Чайковский для развития

национальной культуры и освобождения родины. Это он делал сознательно как патриот и активный писатель. Автор намеренно ничего не говорит о стиле Чайковского, потому что посвящает этому вопросу отдельную главу, он только напоминает, что нашелся какой-то безымянный критик, который не признает у Чайковского никакого писательского дарования, никакого таланта, никакой способности к творческой деятельности. Этот „критик” поверхностно и нелогично анализировал творчество Чайковского, он был просто пустослов. Вот один пример, который приводит Яловицкий в своей статье о „логике” ананимного критика Чайковского, выражающего мнение, что сочинения Чайковского „отталкивают его обожателей”. Он также говорит, что бурные аплодисменты не всегда бывают заслуженными, и отсюда он делает вывод, что Чайковский ничего не знает. Эти слова напоминают Яловицкому следующие строчки Трембецкого: „Во имя отца и сына этого человека считаю глупым!”³⁹

Что касается Чайковского, получив аттестацию нации, он будет спать спокойно, несмотря на то, что найдется какой-то безымянный овод и будет жужжать над ухом многочитаемого писателя не только в среде эмигрантов и в Польше, но и на Балканах в среде южных славян.⁴⁰

Интересно, что в Польше ни один из позднейших критиков или кто либо другой, занимающиеся творчеством Чайковского, не нашли подходящего момента вспомнить мнение Миколая Явовицкого.

2

„Казацкие повести” могут служить подтверждением последовательности казакофильской идеи Чайковского, впервые упомянутой в реферате, который он читал на конгрессе в Париже. Генезис и идею надо искать именно здесь, Автор „Казацких повестей” как большой любитель украинского фольклора (прежде всего имеем ввиду письменный фольклор-народно-поэтическое творчество и легенды) черпал из единственного источника свои темы, а в своих исторических повестях и романах использовал исторический материал. В работе над повестями и романами Чайковский характеризуется как необычный селекционер своих героев. Примером нам могут служить повести: „Будем молиться и воевать”, „Нападение на Царьград”, „Скалозуб в крепости с семью башнями”, „Атаман Куницкий” и „Орлик и Орленко”.

В этих повестях Чайковский намеренно использует те исторические события, которые прямо или косвенно служат вопросу сближения казаков с поляками. Иначе трактование и способ работы над ними имеют мало общего с типичными или, как говорится, классическими историческими романами. Главными их героями являются исторические или полумисторические личности. Это он подчеркивает, потому что в упомянутых повестях автор на первый план ставит душу героя, его мысли, рассуждения и цель жизни, которые исключительно служат сближению двух упомянутых народов. История, а точнее говоря, исторические события стоят на втором плане в повестях Чайковского. Это также наблю-

дается и в реферате Чайковского, который он читал на конгрессе в Париже. По Чайковскому, средством достижения цели является литература, а не исторические факты, которые с диалектического аспекта могут быть настолько верными, насколько и не верными, в зависимости от того, кому служат и для какой цели. Примером пусть будет для нас украинский гетман Богдан Хмельницкий. Поляки ему оказали большое внимание, и каждый с исторического аспекта объясняет его по-своему, в зависимости от цели, которую поставил каждый, от того, чего он хотел достигнуть им, что хотел объяснить или как хотел представить его своим читателям как человека вообще и как историческую личность.⁴¹

По мнению Чайковского, художественная литература в данном вопросе имеет что сказать, и поэтому Чайковский склоняется в сторону художественной литературы. Образ Хмельницкого он изображает именно с тех позиций, на которых стоит как поляк-казакофил. Интересно, что Чайковский не только не согласился с Лессуром и Бантыш-Каменским, но скристаллизировал свое трактование. Михаил Чайковский, ознакомившись со всеми этими историческими материалами, специфически изобразил главного героя, разумеется, с позиций и идей союза с Украиной. (Как в прошлом, так и в будущем.) Так например, для него Хмельницкий-это образ с отрицательными чертами. Чайковский настолько искренен при определении места Богдана Хмельницкого в истории казачества, что откровенно пишет:

„Я не думаю в данном случае зачеркивать прошлое Богдана Хмельницкого, его историческая деятельность известна всему миру более, чем деятельность всех других казацких атаманов, кото миру более, чем деятельность всех других казацких атаманов, которые менее имеют право жить в сердцах потомков. Одни писатели изображают его великим злодеем, другие-великим человеком. По-моему, он не имел основания быть великим, хитрым, находчивым, амбициозным. Он был слабозвольным, колеблющимся в решительных моментах, ему не хватало смелости сделать великий шаг.“⁴²

Чайковский был верен польскому прогрессивному романтизму, возглавляемому Адамом Мицкевичем, вник в глубину сущности того периода и оставил далеко позади всех прозаиков-эмигрантов Польши.

* * *

Юлюш Кияс в своей книге „Михаил Чайковский под обаянием Адама Мицкевича“ находит много общего между Чайковским и Мицкевичем не только в области политической деятельности эмиграции в Париже, в Бургасе, между атаманскими казаками и другими солдатами Чайковского (сербы, болгары, босанцы, евреи, греки, арнауты и др.), в Истамбуле до смерти Мицкевича, но и на литературном поприще. Чайковский не только читал его с увлечением как первого человека, основоположника нового направления в польской литературе, но и учился

у него. Кияс находит у Чайковского много общего с „Балладами и романсами”, с „Гражиной”, с „Виллинскими Дядями”, с III-й частью „Джядов”, с „Книгами народа и польского пилигримства” и, наконец, с самым большим произведением Мицкевича „Пан Тадеуш”. Он не только восхищался новым шедевром польской поэзии, которая дышала свежестью лесов Литвы, но Чайковский всегда искал такого друга и союзника, который умеет думать о судьбе своей отчизны, писать о ней и, наконец, посвятить ей свою жизнь. Им был Мицкевич, единственный человек, советы и критику которого он принимал, не сердясь ни за что.

В последний месяц жизни Мицкевича шла живая переписка между ними. На два письма Чайковского Мицкевич отвечает тремя в связи с созданными положением с казаками, с созданием новых военных единиц и проекта об организации новых полков из христиан Турции (балканских славян) под руководством Чайковского. Мицкевич старался получить разрешение от турецких властей на создание обособленных частей. Он убеждал Чайковского выдержать до конца в борьбе с графом Владиславом Замойским и не рвать окончательно отношения с старым князем Адамом Чарториским. Мицкевич подбодрял его, писавши, что он единственный поляк, который может ввести эту славянскую армию. Он делает ему некоторые замечания в связи с казацкими полками и их увеличением. Отступление от замысла создать организацию славянской армии внутри турецкой армии для Мицкевича обозначало измену делу Польши и славянства.

„Это говорит-, пишет Кияс, — что Мицкевич к Чайковскому относился критически. Между тем, очень честолюбивый Чайковский, который быстро обижался, не только не сердился на него, но покорно принял эти замечания и старался оправдать себя перед Мицкевичем.”⁴³

Почему такой гордый и предельно чувствительный Чайковский, который ни с кем не считался, кроме своего мнения, не исключая даже князя Чарториского, некоронованного польского короля в „Отеле Ламберт”, отступал перед Мицкевичем, обычным миссионером на Востоке? Объясняя это, мы снова сошлемся на Кияса, который пишет, что Мицкевич всегда относился с почтением и благосклонностью к Чайковскому, заштилал его, когда его очерняли за отступление от католицизма. А на приеме по поводу отъезда Мицкевича на Восток, организованном „Отелем Ламберт”, поднял тост в честь Чайковского и его казаков. Кияс пишет, что Чайковский сначала, еще перед приездом Мицкевича на Восток, относился к нему с недоверием и недоброжелательностью, потому что он приезжал в качестве посланника князя, Адама Чарториского, к кому потерял всякое доверие. Он боялся, что поэт может стать на сторону иезуита Владислава Замойского, врага номер один для Чайковского на Востоке.

„Он постепенно смирился, — пишет Кияс, — и одновременно начал проявлять большой интерес к литературно-политической

миссии в среде балканских славян, порученной Мицкевичем, который обещал ему большую поддержку и содействие в этом деле”⁴⁴

Все это свидетельствует о том, что они были единомышленниками и имели общий взгляд на вопрос о славянстве и искали путей сближения поработенных славянских народов от Украины до берегов Эгейского, Адриатического и Балтийского морей.

Мицкевич был единственным поляком своего времени, открывшим истинную душу М. Чайковского. Сразу после приезда в Царьград он отправился искать Чайковского в Бургасе, и там в течение двух недель был гостем Чайковского и сразу стал его приверженцем, а его спутник, молодой князь Чарториский занял негативную позицию в споре между Чайковским и Замойским. Молодой князь Чарториский стал на сторону Замойского, оклеветавшего, как известно, Чайковского перед старым князем Адамом Чарториским. Здесь Кияс вполне соглашается с Мицкевичем, который сразу успел разоблачить фальшивое лицо графа Замойского и понять, что Чайковский был незаслуженно оклеветан. Кияс именно в этом видит общность взглядов Мицкевича и Чайковского.

Нет сомнения, что именно здесь, в Бургасе, родились многие творческие замыслы Чайковского, возникло желание продолжать и развивать то литературное направление, к которому он сам принадлежал, как человек, преданный казачеству и поработенным польским и балканским славянам.

Запад его вообще не интересовал: ни Париж, ни Рим, ни Лондон. Большой интерес представляют слова Красинского (1812—1859) о пребывании Чайковского в Риме. Чайковский дважды был в Риме, (1840—1841), и Рим не произвел на него огромного впечатления. Вместо того, чтобы обратиться к прошлому, как предполагал Красинский, и вдохновиться древностью этого города, как это было со всеми польскими писателями прошлого, он сел и написал здесь роман „Овручанин”. Вот что о нем пишет Красинский:

„Здесь Чайковский, Вернигора, смелый конник, который из целого Рима выбрал самое лучшее место-пастбище „Кампания” потому что оно — сестра степен. Его мало интересуют руины вечного города. Сядет у Коринской колонны и рассказывает о зарезанном гайдуками Скибицком, а когда посещает Колизей, вспоминает, как атаман Конашевич пронзил Безбородко. В Терма Каракали видит Чернецкого, как он режет атамана Викховского. А что касается казачества, он — единственный исследователь, глубокий, проникновенный, догадливый, живой историк, смелый казацкий писатель — романист, но всем сердцем и мыслями он искренний польский шляхтич”⁴⁵

Мало искренности, больше иронии в словах коллеги Чайковского — Красинского. Но для нас очень важно сказанное Красинским о казакофиле, который предпочел не только вспомнить „пастбище” в Риме, но сел и написал о казаках роман, потому что он считал их своими, родными, близкими, исконными.

Красинский был весьма далек от души и сердца Чайковского, чтобы понять его и его казацкие романы. И нельзя на него сердиться в этом отношении, потому что их разделяла восточная стена.

Несмотря на все это, в творчестве Чайковского мы находим итальянскую, точнее говоря, итальянско-казацкую тематику. Он написал несколько рассказов, действие которых развивается приблизительно в начале 19 века в Риме, Цивите, Кастеляне, Флоренции, Ливорно, около Тразименского озера. Здесь Чайковский сумел найти что-то общее между итальянцами и казаками. Эти рассказы были напечатаны в 1840—1841 г. в польском журнале „Третий май”, в „Орендовник наукови”, „Пшиячель люду” и „Дженник домовы”, а затем собраны и изданы отдельной книжкой в Познани в 1844 году под названием „Рассказы”.

3

В „Казацких повестях” Чайковский очень внимательно относится к тематике, потому что, как и во всем его творчестве, он тенденциозен в такой степени, в какой считает это необходимым в борьбе за сближение польского и казацкого народов. Автор „Казацких повестей” в действительности никогда не фаворитизировал персонажей, которые известны в истории казачества крайне враждебным отношением к Польше и польскому народу вообще. Дорога польского патриотизма идет своеобразным, исконно чайковским способом, так же, как украинско-казацкая. В этой последней существует звено, при помощи которого он возвеличивает и в некоторой степени даже апофеозизирует исторических героев, склоняющихся в сторону Польши. Чайковский идеализирует и тех персонажей, роль которых в истории по отношению Речи Посполитой недостаточно объяснена историками по разным соображениям. Речь идет о тех персонажах, которые по-разному рассматривались в польской истории, и Чайковский вполне оправданно присваивает их так же, как они могли бы быть присвоены и его противниками.

Чайковский осуждает персонажей, которые враждебно относятся к Польше. Примером в этом случае является Богдан Хмельницкий. В то же время он апофеозизирует Петра Конашевича и Яна Виковского а Куницкого, Скалозуба и Шаха идеализирует.⁴⁶

Надо сказать, что такая характеристика Богдана Хмельницкого не совпадает с художественным текстом повести „Костел в Грузинцах”, а совпадает с предисловием к той же повести. Он то же самое делает с Яном Виковским в предисловии к повести „Орлик и Орленко”⁴⁷

В повести „Будем молиться и воевать” выступает Петр Конашевич, именуемый Сагайдачным. Этот апофеозированный казацкий атаман не имел счастья до конца жизни быть атаманом, так свидетельствует, по крайней мере, история, потому что его соблазнил киевский

монастырь своими красотами и спокойным углом. В монастыре, где он жил, услышал он, что его наследник Бородко заключил союз с Зигмундом III, который обещал помощь в распространении католицизма на Украине. Конашевич, потрясенный этим фактом, немедленно отправился в Сечь и убил Бородко, потому что казаки просили его о спасении. Конашевич возглавил тридцатитысячную армию и отправился помочь войску польскому, которое находилось возле Хокима.⁴⁸

Юлиус Кияс в своей книге „Михаил Чайковский под обаянием Мицкевича” отстаивает, что первые повести, включенные в состав „Казацких повестей”, Чайковский создал под влиянием „Баллад” Мицкевича, взяв за основу народные мотивы, характеризующиеся фантазией, с той разницей, что литовский регионализм был заменен им украинским.

„Все же „Казацкие повести” были написаны на глубокой основе народной традиции, взяли больше реализма в сравнении с „Балладами” Мицкевича и таким образом стали реалистическими и историческими рассказываниями, с выразительно подчеркнутой украинско-казацкой региональной особенностью.⁴⁹

Чайковский не отступает ни шагу от определенной программы которая освещена им в реферате, прочитанном на Конгрессе историков в Париже, где он также осуждает польскую литературу 16 века как чужую, не свойственную для поляков, написанную под сильным влиянием античных греков и римлян; в ней единственно польским является только форма. Того же мнения он придерживается и о польской литературе 18 века и о литературе периода до Мицкевича. По его мнению, это была не польская литература, а зарубежная. До Мицкевича только Немцевич ввел национальные элементы в польскую литературу своими песнями, написанными на основе исторической традиции.

„Баллады” Мицкевича, поэма „Джяды”, „Гражина”, „Валенрот” и др. сделали, по мнению Чайковского, переворот в польской литературе. Они „так широко распространились в Польше, как вера Христа во всех землях Света”.⁵⁰

В этом надо искать причину влияния Мицкевича на творчество Чайковского. Мицкевич стал для него образцом поэта-борца, патриота с высокими моральными качествами, потому что он был человеком, который свою жизнь и творчество посвятил борьбе за освобождение Польши и других славянских и неславянских народов в Европе. Именно поэтому герои „Казацких повестей” имеют много общих черт с героями поэзии Мицкевича.

Если Мицкевич, воспевая Литву, сумел создать глубоко национальную и общенародную поэзию, это явилось следствием необычных источников и его таланта. Чайковский верил в это, и поэтому пошел по его пути, заменяя в своих „Казацких повестях” Литву Украиной, а лйвоцев-казаками.

Откуда идет эта вера в силы поэта. откуда эта смелость и уверенность? Чайковский в своих „Мемуарах” 1870 года вспоминает о прошлом времени, переполненном славой, и о том, как шаг за шагом

среди упорных противников романтизма в Польше открывал для себя путь гений-поэт, и день за днем именно эта поэзия делала его великим национальным поэтом. По мнению Чайковского, Мицкевич был великим поэтом, и вместе с Снядецких они высоко подняли Литву, но этого не сумели увидеть поляки, их просто не интересовало творчество Мицкевича, в то время как другие открыли его величие как поэта и борца, читая и восхищаясь красотой и самобытностью его поэзии. И только тогда, когда Пушкин и Гоголь признали его великим поэтом, слава Мицкевича нашла себе дорогу и в Королевство Польское, и в Галицию и Познань — т.е. в оккупированные Австрией и Германией территории.⁵¹

Первым произведением, свидетельствующим о переходе к романтизму в польской литературе, была „Ода к молодости”. И как такую ее оценил Чайковский в своих мемуарах, описывая встречу Мицкевича в Бургасе. Он характеризует оду как общечеловеческую, с революционными стремлениями, близкими сердцу Чайковского. И не случайно в его романе „Кирджали” есть отзвуки этого произведения Мицкевича, когда Чайковский описывает Ипсилантеса. При этом Чайковский использует не только дух, но и содержание „Оды к молодости”.⁵²

4

„Казацкие повести” принесли Чайковскому писательскую славу. Это ему признает и история польской литературы и критики. В связи с этим пишет и Кияс, сравнивая Чайковского с Мицкевичем и находя аналогию в том, что „Казацкие повести” принесли первую поэтическую славу Чайковскому так же, как „Баллады и ромасы” 1822 г. принесли поэтическую славу Мицкевичу. Писательская слава пришла к Чайковскому на пятнадцать лет позже, т.е. в 1837 году, когда был издан первый том, в который входили его „Казацкие повести”.

„Так же, как и „Баллады” Мицкевича, — пишет Кияс, — они („Казацкие повести” н.з.) стали популярными своей новой тематикой, регионализмом, там — литовским, а здесь — украинским, фантазия выражена в рамках реализма взятого из традиционных преданий и народных верований в прошлом; с своеобразной композицией и, наконец, с оригинальным языком.”⁵³

Повесть „Сватанье запорожца” написана по народным мотивам украинского фольклора. Чайковский слушал с наслаждением легенды, песни, предания и считал их чем-то выше фольклора. Здесь речь идет о сватании, при помощи которого Чайковский знакомит нас с обычаями обручения у казаков. Украинка Маруся — невеста, которая станет жертвой любви и обычаев этого народа. Запорожцы — это люди, которые прежде всего ценят свободу и военную славу. И на основе их традиций Чайковский строит свою повесть. Главный герой стоит перед экзаменом, перед искушением. В день обручения молодой казак смотрит на конницу, которая отправляется воевать на Москву. Он сумел убежать с церемонии обручения и уйти с казаками.

Редко какой запорожец оставался дома, чтобы вить семейное гнездо. Так случилось и с женихом Маруси. Она не испытала радости жизни. Ей оставалось единственное — ждать окончания войны. Через два года казаки привезли труп жениха, его оружие, привели его коня. Маруся не выдержала и упала мертвая на тело любимого казака.

Товарищи молодого казака выполняют только его завещание — отвезти его тело в деревню Маруси, и если она захочет освободиться от обручения, пусть это сделает.

Несмотря на то, что Чайковский в данном произведении является бытописателем, он одновременно остается верным своей прогамной цели — сближению с казаками, воюющими против России, которая в действительности являлась оккупанткой части польской земли.

Тематически близкой к этой повести является повесть „Могила” в подбояснении к которой Чайковский между прочим пишет:

„Рассказываю вам так, как мне рассказывали ее”.⁵⁴

Чайковский здесь в качестве рассказчика вспоминает казака Левко, о котором пишет:

„Я сам слышал это из уст старого Левко, который клялся самым святым, что после ухода войск из Сукурихи, не раз сидя в центре круга, он видел, как белая колесница с шестью белыми конями, с кучерами и лакеями в белом, махающими кнутами, мчалась из Журбинца, быстро приближаясь к назначенному месту в Сукурихе, и резко останавливалась будто попадая в грязь. Люди хохотали, соблазнялись и бросали деньги, потом колесница исчезла, а на ее месте появлялся бык, за ним — всадник, и наконец девица в белом, истинная госпожа Чума, но все-таки она не могла попасть в круговорот. Во всей деревне никто не умер от чумы.”⁵⁵

Чайковский пишет, что люди, знавшие много преданий о прошлом своей земли, гордились этим, еще больше гордился этим сам автор „Казацких повестей”, потому что он дождался времени, когда мог пересказать соотечественникам эти предания и таким путем сблизить их как народ, как нацию с богатыми традициями.

„Могила” также написана на основе украинского предания, которое рассказывает о смерти трех сестер — дочерей колдуньи, которая вместе с дьяволом могла делать не только зло, но и добро. Сукуруха — это мать, противящаяся любви, противоречащей ее мировоззрению, нормам и традициям. Первая дочь влюбилась в казака, вторая — в ляха, третья — в татарина. Эти три молодца служили в рядах казацкого атамана Ружиньского. Причиной смерти трех дочерей стала мать, которая, хотя и поздно, но признается в своей вине, в своей большой ошибке — в противлении любви. Ее дочери умерли от тоски и больших страданий о любимых.

Битва татар с казаками и поляками происходила у могил трех сестер. В этой битве погибли три молодца. Мать нашла их и похоронила

каждого в могиле любимой им девушки. А казаки над этими тремя могилами создали высокий курган, который стал символом любви, верности и борьбы.

Эта повесть написана по мотивам предания о кургане, который находится возле Холчинца. Украинская земля часто подвергалась нашествиям татарских орд и в результате усеяна могилами. М. Грабовский написал книгу об археологических раскопках и остатках старины, которые часто связаны с легендами и преданиями. Эта книга под названием „Былая и современная Украина” издана в Киеве в 1850 году, в ней мы находим богатый материал о прошлом Украины. Чайковский написал свои „Казацкие повести” до появления в печати книги об Украине критика Грабовского. Книга „Былая и современная Украина” важна для нас в том отношении, что она подтверждает наличие источников для повестей Чайковского. Я. Петровичева, упоминая книгу-говорит, что „почти каждая могила, каждый курган на Украине связаны с каким-нибудь преданием.”⁵⁶

Предания друг от друга отделяются временем, но несмотря на это, события, отраженные в них, живут в памяти казаков. Чайковский полностью, не изменяя, вводит предания в свое творчество и в предисловии к каждой повести объясняет их. То и другое он делает намеренно, потому что знает, что не каждое предание, услышанное им из уст казаков, является истинным.

В данном случае для нас не столько важно, что связано с преданием, какие волшебства или чары оно имеет, о которых народ создает мифы, сколько важны подход и любовь, отношение автора к написанному. Здесь Чайковский является как бы участником пересказанных событий.

В повести „Могила” есть что-то сильное и глубокое, созданное народном и дополненное поэтической фантазией Чайковского. Три дочери колдуньи, женщины, побратимленной с дьяволом и дьявольским способом противившейся любви своих дочерей, стала основной причиной их смерти. По обычаям и нормам христианской церкви неисповеданные перед смертью не имеют места среди верующих; мать в данном случае погребением своих дочерей делает не только добро для живых, спасая их от заразных болезней, но и исправляет свою ошибку, то есть раскаивается, в том, что противилась любви своих дочерей.

Действие повести развивается приблизительно в 16 веке, во время Батория.

Следующая повесть „Костел в Грузинцах” не имеет ничего общего с предыдущими, несмотря на то, что она основана на традиционной украинской эротике. В этой повести Чайковский пытается решить проблему неравенства любви между обычным казаком и шляхтичкой. Эта проблема часто затрагивалась в польской литературе и Мицкевичем, и многими другими более или менее известными польскими писателями. Это была одна из актуальнейших проблем в период романтизма в Польше. Либретто самой лучшей оперы Манюшко „Халька” так же, как и Чайковский, осуждает классовое различие в

любви. Чайковский пренебрежительно относится к польской шляхте, несмотря на то, что сам шляхтич. В этой повести он с большой симпатией относится к казакам. По мнению Чайковского, никто глубоко не вникал в то, откуда произошла польская шляхта: от кухни или от псарни.⁵⁷

Я. Петровичева эту повесть определяет как политически-бытовое произведение.⁵⁸

Действие этой повести развивается во время украинского восстания, возглавляемого Богданом Хмельницким, которое окончилось Белоцерковским миром в 1651 году. Героиней повести является шляхтичка Анна, дочь придворного Сосенко. Она влюблена в одного казацкого атамана Бохуна, который не имеет ничего общего со шляхтичами, а влюбился в шляхтичку. Этой любви препятствовал шляхтич Сосенко, который не хотел даже слышать о том, чтобы его дочь вышла замуж за казака Бохуна. Когда началась война, Бохун и Чешник боролись в противоположном лагере Сосенко и его двух сыновей, братьев шляхтички Анны. Чайковский, желая достичь своей цели, рукой войны убивает троих противников не только любви Бохуна, но и идейных его противников. И вот Чайковский, желая подчеркнуть страшную пропасть, отделяющую шляхту от обычных казаков, вводит в действие мертвых против живых, против любви Анны и Бохуна, которая была воспрещена шляхетскими предрассудками, протворечивыми отношениями одних к другим на казацкой земле.

В повести как будто бы побеждают живые. Мать Анны очень тревожится о судьбе дочери. Мертвые не отступают. Анне снится отец, который не позволяет ей дойти до бракосочетания. После упомянутого договора польско-казацкие отношения опять становятся близкими и дружескими, и на первый взгляд кажется, что победа любви завершается триумфом в пользу живых. Анна и Бохун стоят перед алтарем, идет процесс венчания.

„Литургия окончена, и начинается обряд венчания; священник уже спрашивает: „Анна, берешь ли его в мужья...“ Блеснула молния, загремел гром, задрожали стены, невеста и жених упали лицом на землю, а ступени алтаря охватило алчное пламя...“⁵⁹

Таков конец семейства Сосенко изапрещенной любви Анны и Бохуна, которых разделяла классовая принадлежность.

Здесь Чайковский ни в чем не отступает от своей пограммы. Даже в тех случаях, когда казакофильству Чайковского трудно проникнуть в произведения, он создает соответствующую почву и настроение своим собственным присутствием. И в этой своей повести Чайковский с большой симпатией относится к казачеству.

Повесть „Орлик и Орленко“ — очередное произведение, основанное на украинском фольклоре. В ней опять на первом плане чародей-

ство. Цыганка связана с дьяволом, иначе нельзя объяснить предсказания о будущем главного героя. Орленко предстоит злодейства и преступления. В этой повести интересен метод изображения колдовства цыганки — колдуньи, которое осталось в народных преданиях в результате суеверия. Это может быть результатом бурного прошлого казачьего народа — его азиатизма, аргесии и защиты от других, не менее авантюристических племен Востока и Юга.

„Цыганка принесла что-то и поставила в середину костра, набросала ветвей и листьев и начала раздувать. Разгорелось огромное пламя, и она крикнула: „Марушка, трапака! „Тотчас кошка начала топтаться у костра, скрести когтями и тихо мяукать. Хима поставила горшок с водой и сковороду, в которую положила несколько кусков желтого воска, и приказала Орленко стать в круг. . .”⁶⁰

Здесь интересен способ слияния народных преданий с героями — легендарными и историческими личностями, которые являются истинными выразителями склада ума казаков. Этот излюбленный лдя Чайковского способ освежен новыми элементами художественного рассказа в истории польской литературы.

По мнению Я. Петровичевой, „Казачьи повести” должны бы быть ответом на вопрос: каково было казачество, во-первых, в прошлом, во-вторых, в традициях, оставшихся в народно-поэтическом творчестве. Это должно было быть чем-то вроде синтеза культуры зарождающегося казачества и того, что сохранилось в их творчестве.⁶¹

Еще в своем реферате Чайковский пытался доказать наличие влияния украинско-казачьего фольклора на польскую литературу, и это влияние он считал самым здоровым элементом в ней. Я. Петровичева, сопоставляя „Казачьи повести” Чайковского с поэмой „Змия” Словацкого, в действительности ищет общее в них, взаимное влияние и, будучи неуверенной в том, читал ли Чайковский поэму „Змия”, напечатанную в 1832 году, косвенно оправдывает Чайковского, потому что речь идет о книге, которая вышла из-под пера одного из самых известных великанов польской литературы.⁶²

О синтезе прошлого казачества, воскресшего в преданиях народа, не первым пытался говорить Чайковский. Это пытался делать и Словацкий в своей поэме „Змия”. Содержание этой поэмы основано на народном предании. Остюда берет свое начало и баллада, где независимо от исторической основы преобладает народная фантазия. Я. Петровичева настаивает, что необходимо признать наличие общей идеи в „Казачьих повестях” Чайковского и „Змии” Словацкого. Устное народное творчество интересовало Словацкого только с точки зрения поэтического творчества. Это результат влияния романтизма и фольклора как источников художественного творчества.

Данные повести свидетельствуют о богатстве украинской народной поэзии, сохранившей традиции прошлого казачества.⁶³

Чайковский знал, что богатство украинского фольклора может быть не только источником интересных литературных произведений, но и заполнить пустоту в польской литературе, чего не благоволили сделать предшественники, занимающиеся литературой, потому что они больше были влюблены в то, что готовым шло с Запада. Он считал, что очень мало сделано из того, что могло быть сделано в польской литературе на основе юго-восточных источников. Именно поэтому он лично решил завершить синтез иллюстрации влияния казацкой народной поэзии на польскую литературу.

В предшествующей поэзии „Украинской школы” мы находим образы Украины, но они изображены односторонне. Словацкий в „Украинской думе”, в „Песне казацкой девушке” и в „Белецком” испытал влияние односторонних образов Украины Залевского, Гошинского и Малчевского. В „Змии” он опять хотел дать синтез казачества, то есть соединение главных черт казачества. Прежде всего там надо было показать авантюризм казачества как главную их склонность: казак превосходно чувствует себя в нападениях и опасностях; затем борьбу с неверными, которая делает из казака тип средневекового рыцаря, поэтическую натуру, соединяющую в себе любовь и приверженность к природе, народное верование в ее красоту, и польский патритизм.⁶⁴

В „Казацких повестях” Чайковского мы находим больше общего с творчеством Словацкого, нежели с поэзией Мицкевича. Вспомним, например, повесть „Нападение на Царьград”, где Чайковский своеобразным способом раскрывает авантюристическую душу казаков, людей, рожденных жить в борьбе, или „Скалозуб в крепости с семью башнями”, где казаки чувствуют себя истинными рыцарями, полными поэзии и боевого духа, унаследованными сыном от отца как завет.

В реализме „Казацких повестей” Чайковского не может быть сомнения. Если мы хотим открыть душу казаков, надо прежде всего прочесть „Казацкие повести”. Он, может быть, единственный польский писатель, который очень много посвятил им, и не односторонне, только из-за поэзии, как было у Словацкого.

Грабовский, один из первых критиков Чайковского, обвиняет автора „Казацких повестей” в преувеличении значения казачества, в нарушении границ возможного.

То, что сказано о казаках в польской литературе, переходит все границы, — пишет Грабовский. — К счастью, об этом ничеко не знают казаки и особенно малоросы (среди которых есть и грамотные, и ученые), они бы объявили нас „самыми смелыми лжецами, которые могут быт под солнцем.”

По мнению Грабовского, в этом первую и особую роль играет Чайковский, такой же способный писатель, как Магнушевский, и такой же оскорбленный, как и он. Чайковский создал в литературе такой народ, который в действительности не существует и о котором даже не знает история. Мы можем предположить его цель, но ведь ложь никогда и никому не приносит пользы. Одновременно это и с литературной точки зрения является большим недостатком.

„Какие обычаи выдумывает он? Казаки отрубают головы своим любимым, предупреждая их неверность. И это на основе подсказывания, на основе народной песни! Вполне „похоже” на истину! Немцы, которые с алчностью переводят „Казацкие повести”, будут иметь над чем удивляться.”⁶⁵

На это обращает внимание Я. Петровичева и цитирует Грабовского только для того, чтобы доказать, как ошибочно он понял творчество Чайковского. Она утверждает, что Чайковский в „Казацких повестях” сильнее применил прием контраста в сравнении с Словацким. Простоту спартанской жизни казаков, их привычку воевать, тяготы непрерывной жизни под открытым небом, вспыльчивый темперамент и др. он притивопоставляет восточной неподвижности, сладострастию и мусульманской жестокости. Эти упомянутые Грабовским элементы Петровичева считает преувеличенными специально для того, чтобы обвинить Чайковского в фальсификации казацких обычаев. Здесь Петровичева справедливо обвиняет Грабовского в том, что он приписал Чайковскому то, что выдумал сам.⁶⁶

Прежде всего в „Казацких повестях” не существует таких эпизодов, где казаки отрубают головы”, предупреждая неверность” своих любимых казачек. Это сделано или по невнимательности, или из-за смешения во время чтения „Казацких повестей”. Единственно в повести „Скалозуб. . .” существует эпизод, в котором отрубают голову женщине, но это⁶⁷ делает турок, а не казак. Это значит, что без всяких оснований Грабовский обвиняет автора „Казацких повестей” в антиказацких выступлениях, обвиняет самого большого друга казачества, человека, который с детских лет сроднился с этим народом и боролся за его признание в сердце Западной Европы — в Париже.

Вместо заключения

Сразу после смерти Чайковского, наступившей в результате самоубийства 4 января 1886 г. и вызвавшей всеобщее удивление, его современники начали изучать причины генезиса его необычного творчества, которое не имело ничего общего с традициями истории польской литературы, дипломатии и польских вооруженных сил. Своеобразие и самобытность в этих трех сферах почти вполне оригинальны.

Высказывания А. Мицкевича о Чайковском как о человеке, патриоте и писателе убедительно подтверждают, что он был не только хорошим политиком и генералом, но и необычным писателем. Даже высказывания его личных врагов отмечают что он был талантливым писателем и революционером — мастером сабли и пера. Например, Т. Т. Еж, который одновременно с Чайковским изездил Балканы и немало написал о наших народах, в своих мемуарах о Чайковском (после его смерти) признает талант Чайковского-писателя, несмотря на время и обстоятельства, в которых жил и был задушен самым шляхетским воспитанием.

Генезис казакофильства, которое Еж называет „казакоманией”, он ищет в его юношеских годах пратенник в обстановке ярмарок где царила казацкая атмосфера, в среде дворовых казаков, служивших лакеями, курьерскими и другими вспомогательными слугами. Все это произвело глубокое впечатление на молодого Чайковского. Иначе говоря это в действительности была „настоящая академия”, воспитавшая будущего казацкого писателя.⁶⁷

Все это истина. Если Еж не переходит границы в оценке таланта Чайковского то это выражено в утверждении, что в произведениях Чайковского ничего нет, кроме „казакомании”. Факт что Еж был в лагере, противоположном Чайковскому. Сначала Чайковский находился в рядах Демократического общества. Разочаровавшись в политике этого общества, он перешел на сторону князя Адама Чартовийского и оставался верным ему до тех пор, пока верил в правильность его политики. Потом выбрал свою дорогу, не зависимую ни от первых, ни от вторых эмигрантов во Франции. Несмотря на все это, он никогда не изменял идее освобождения Польши и других поработанных славянских народов. Этих фактов достаточно, что бы вскрыть тенденциозность утверждений Ежа о своем коллеге по перу и сабле о Чайковском. Здесь в действительности речь идет о двух политиках — представителях двух противоположных партий в польской эмиграции на Западе и Ближнем Востоке.

Во вступлении к книге „Михаил Чайковский (Садык паша), его жизнь, военная и литературная деятельность” Фр. Равита Гавроньский пишет:

„Тот, кто захочет познакомиться с этим периодом нашей истории во-первых с судьбой остатков политической и дипломатической деятельности „Отеля Ламберт”, и во-вторых, с Чайковским, тот, кто встретится с Садык пашой, не сможет растаться с ним до распада Оттаманских казаков.”⁶⁸

Генезис творчества и совокупность его деятельности как эмигранта Гавроньский видит в идее казакофильства Чайковского, которая в самом деле представляет начало славянофильства.

Идея казакофильства, которая вовлекла его с сферу политической деятельности, не является порождением Чайковского, его духовной деятельности, она была уже оформлена его известными предшественниками, он принял ее как наследство и обогатил новыми элементами.⁶⁹

Все, что было написано о Чайковском в польской литературе, написано с долей профилактики, неискренности, неоткровенности с преднамеренным умалчиванием.

Сейчас нам предстоит открыт истинный облик этого необычного писателя, политика и стратега в истории польской литературы, в истории польской дипломатии и вообще в истории польской эмиграции, которая родилась в результате поражения Ноябрьского и Январского восстаний, в период польского романизма,

Его литературная деятельность была доступна для всех, а политическая и военная — в деталях была специфичной и совсем мало и фрагментарно известной не только широким читательским кругам, но и тем, которые могли бы сказать что-то более важное и более определенное. То же самое можно сказать и о подробностях его жизни. Мемуарный материал дан от третьего лица, часто страдает односторонностью, потому что он был прежде всего предназначен для партийных споров, часто острых и всегда неблагосклонных к личности Чайковского. Есть и другая крайность — высказывания в панегирическом (восторженном) тоне, например в книге „Казачество в Турции”. Это была одна из основных причин ашивочных высказываний о Чайковском.⁷⁰

Мнение Гавроньского как первого биографа не может быть, освобождено от пуристической точки зрения, так как он находился под влиянием людей, ненавидящих Чайковского не столько за его, „исламизм”, сколько за его славянофильство. Гавроньский настолько искренен и смел, что в упомянутой книге пишет:

„Не сомневаюсь, что мой труд не освобожден от недостатков и ошибок, тем более, что он впервые охватывает духовный мир писателя в целом. Этот труд заинтересует широкий круг тех читателей, которые знают непопулярное лицо Садык апши из пустых слухов, досадных рассказов и клеветнических сплетен.”⁷¹

Этот автор, рассматривая период юности Чайковского, говорит, что Волынская область на Украине, где писатель провел свою молодость, была типичным краем кутений и совеволія шляхтичей.⁷²

Как независимые от власти люди, они забавлялись различными разговорами и дискуссиями на свободные темы и мечтаниями, которые спустя пятьдесят лет повторит Чайковский в своих мемуарах. Гавроньский смотрит на это с некоторым недоверием, так как Чайковский в „мемуарах” превозносит свои мечты и сноведения.

Вот один из примеров, взятый из „Мемуаров”:
Рассказывая об училище „Волсей”, Чайковский пишет:

„Была там салвянская мозаика, но все-таки преобладали казаческий дух и казаческие традиции, так как профессора были законренельми украинофилами ввиду того, что в бердическом кругу выращивалось прошлое Запорожье с золотой думой о гетманах Украины, с казаческими и малороссийскими песнями и многими другими произведениями, которые позже появились в Харькове.”⁷³

Эти слова, по мнению Гавроньского, не могут быть приняты как серьезные, потому что о господстве „казаческого духа” в польском обществе не могло быть и речи. Это было исключение, которое заметил Чайковский. Очевидно, рассказы ученых о прошлом и будущем казачества Чайковский своеобразно передает в своих „Мемуарах”, дополняя их своими мыслями. Если эти шляхетско-казацкие споры которые,

кроме Чайковского, никто не повторил, могут быть приняты как факт того, что горсть украинофилов стояла за возрождение казачества как рыцарства, которое должно выпалнять роль славянских богатырей (что-то в роде крестоносцев у немцев или темплярисов и мультагских рыцарей у латинцев), — тогда Чайковский прав.⁷⁴

Идея казакофильства рождалась в самом образе жизни украинской шляхты, которая произвела огромное впечатление на Чайковского. Особую роль в формировании украинофильства Чайковского играло украинское народное творчество.

Ядвига Петровичева придерживается того мнения, что поколение Чайковского унаследовало традиции сакских времен, то-есть дворянского казачества. А по мнению Гавроньского, это явление характеризуется как дворянское казакофильство, мелкое и бесцельное. Это было поверхностное течение с переходными признаками, которое серьезно не интересовало никого, кроме Чайковского.

До появления „Казацких повестей” Чайковского это течение не имело своего представителя. Придворное казакофильство, которое в действительности было жизненным источником этой идеи и литературы, а также поэтическим источником политического казакофильства, представителем которого является Залевский, представляло собой разгадку разделения Украины на сарматскую и казацкую. В творчестве Чайковского это трактуется по-иному. Это в действительности антитеза того, что было до его времени. В нем речь идет не о разделении этих двух групп, а о сближении, точнее говоря, о польско-казацком единстве. Чайковский черпая материал из народных преданий ввел в свое творчество новый элемент — народное казакофильство.

Казакофильство как внешнее течение имело своих приверженцев и на Украине в польской среде. В своих „Мемаурах” Чайковский часто говорит об этом течении и утверждает, что оно проникло даже и в научные сферы на Украине. Ему не верили из-за его поэтической фантазии. Все было принято с известной долей сомнения в искренности писателя.

3. Швейковский в поисках причин генезиса творчества Чайковского утверждает, что были такие критики и историки которые не признавали ему не только полонизма, но и каких бы ни было славянских черт, а его происхождение считали азиатским, то-есть человеком Востока. Что касается казацкой симпатии Чайковского, выраженной как в его творчестве, так и в политической деятельности, она была исключительно казацкого происхождения как стихийность степного казачества. Того же мнения придерживается Т. Т. Еж.⁷⁵

Швейковский думает что творчество Чайковского представляет явление устойчивой идеи, которая навсегда пленила сознание писателя, несмотря на измену самому себе неудавшуюся реализацию идеи. Несмотря на то что писатель признавал польскую нацию за свою, что он чистый поляк, идея независимости польской Речи Посполитой представляла для него второстепенный вопрос, который шел параллельно с идеей независимой Украины. Независимость этих славянских земель

представляла бы этап стремления к общему славянству, Это была бы истинная цель Чайковского.⁷⁶

По утвреждению Швейковского, независимость Украины Чайковский видел под протекторатом Польши. Он думает, что эта основа вызвала тоску по Родине и что в ней лежит зародыш творчества Чайковского.⁷⁷

Ядвига Петровичева не согласна ни с мнением Швейковского, ни с мнением Гавроньского. Она признает что есть что-то в их высказываниях, но они односторонни при трактовании этой проблемы как в области его идеологии, так и в области психики. Петровичева думает, что Гавроньски сузил идеологию Чайковского до исключительно казакофильской, а Швейковский признает Чайковским прямолинейную натуру, всю свою жизнь настойчиво стремящуюся реализовать известную фиксидею, то-есть независимую традиционную Украину, как центр объединения всех славянских народов.

Петровичева говорит, что это неправда, так как Чайковский был человеком не простой натуры, а человеком с характером, но непостоянным, полным противоречий, которым не всегда мог найти единый выход для польско-казацкой идеологии и ориентации. Разногласие Петровичевой с двумя предшествующими коллегами по перу, кажется, завершит истинный образ Чайковского как писателя и борца за ту идею, которую он воспринял и обогатил как вообще так и в частности. Но и она не права, кагда в четры, которые определяют Чайковского как славянофила, она вплетает и авантюризм как черту, которая доминирует в его политической, литераурной и военной жизни. В действительности речь идет о тактичности Чайковского в жизни и деятельности, посвященных славянофольству с его ньюансами, на пример, казакофильством, соединенным с большой дозой сорматизма, югославянофильством с конкретной целью братства славян и в конечном счете с панславизмом. Об этом нам говорят его писма (кореспонденция и рапорты), его рассказы и романы, и наконец то же самое он подтверждает в пожилом возрасте в своих „Мемуарах“.

Ташко БЕЛЧЕВ

КАЗАПОФИЛСКИТЕ ИДЕИ НА М. ЧАЈКОВСКИ КАКО ПРВА ЕТАПА ВО РАЗВОЈОТ НА НЕГОВОТО СЛОВЕНОФИЛСТВО

Резиме

Козакофилските идеи на Михал Чајквски своите корени ги имаат во најмалдите години на писателот и се развиваа паралелно со полско-козакската идеја во Украина. Оваа идеја беше одгледувана во круговите на оние Полјаци од типот на Михал Глембацики (дедото на Михла Чајковски), кој ја сакал Полска на свој начин, а истовремено со гордотс

ги споменувал неговите претци кои биле неразделен дел од запорожските Козаци. Во овој дух ќе ги напише и своите први страници во „Мемоарите“ М. Чајковски.

Во рефератот, кој го прочитал на конгресот на историчарите во Париз, одржан во декември 1835 год. под наслов „Какво беше влијанието на Козаците врз литературата главно на Север и Исток“, го изложил влијанието на Козаците врз полската литература, докажувајќи го истовремено и постеењето на посебната козацка литература (главно народна) што ја определува Чајковски како литература која стои меѓу народната и уметничката.

Поред се опитал Чајковски „теоретски“ да докаже дека потеклото на Козаците е исконско словенско, полемизирајќи со полските историчари и етнологи кои тврдеа дека исконските Козаци не се Словени туку произлегуваат од скитските племиња. Грешката на Чајковски по ова прашање се состои во тоа што ги идентифицираше современите Козаци (пред се украинските) со оние првобитните, од кои останало единствено името, каков што е примерот со македонските Словени, со Тракијците, бугарските Словени и др.

Чајковски не само теоретизираше околу происходот на неговите сакани Козаци, туку го посветил и своето перо за зближувањето на Козаците и Полјаците, во чие единство го гледаше ослободувањето на Полјаците од тројното ропство (руско, пруско и австријско), Такви беа и по содржина и по идеја неговите први раскази, напишани на француски јазик и објавени во париските списанија и журнаи, такви беа и „Козакските повести“ (1837), „Вернихора“ (1829), „Стефан Чарњецки“ (1840), „Гавенди“ (1840), „Кошотова“ (1841), „Украинки“ (1841), „Овручанин“ (1841), „Украински хетман“ (1841), „Анна“ (1840) и др. — напишани на полски јазик. Првиот период и во литературната дејност на М. Чаковски можеме да го карактеризираме како козакофилски со неопходните полски елементи за поддржување на спомнатата идеја за зближување на Козаците со Полјаците кои ја живеела истата судбина — ропството.

Ф У С Н О Т И

- ¹ М. Чайковский, „Мемуары“, стр. 16—17.
- ² М. Чайковский, „Мемуары“, стр. 18.
- ³ Я. Петровичева, „М. Чайковский как писатель-романист“, гл. 11.
- ⁴ Я. Петровичева, „М. Чайковский как писатель-романист“, гл. 11.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Я. Петровичева, „М. Чайковский как писатель-романист“, стр. 23.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Гавроньский, „М. Чайковский“. . . , стр. 22.
- ⁹ Я. Петровичева, „М. Чайковский как писатель-романист“, стр. 24.
- ¹⁰ Петровичева, „М. Чайковский как писатель-романист“, стр. 28.
- ¹¹ Конгресс, стр. 134.
- ¹² Я. Петровичева, „М. Чайковский как писатель-романист“, стр. 29.
- ¹³ Конгресс, стр. 138—140.
- ¹⁴ Е. Петровичева, „Чайковский как писатель-романист“, стр. 30.
- ¹⁵ Конгресс, стр. 143.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ „Слово о полку Игореве“, вступление.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Конгресс, стр. 144.
- ²⁰ Конгресс, стр. 147.
- ²¹ Там же, стр. 148.
- ²² Р. Гавроньский, „Генезис и развитие казачества в 16 веке“, стр. 78.
- ²⁴ См. I с., стр. 134—136.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же, стр. 86.
- ²⁷ Я. Петровичева, „М. Чайковский как писатель-романист“, стр. 41—42.
- ²⁸ Там же, стр. 34.
- ²⁹ Там же, стр. 34—35.

³⁰ Там же, стр. 35—36.

³¹ Конгресс, стр. 148.

³² Я. Потоцкий, „Примитивная история. . .“, стр. 188.

³³ М. Чайковский, „Мемуары“, стр. 446.

³⁴ I с., стр. 124.

³⁵ Там же, стр. 76.

³⁶ Р. Гавронский, „М. Чайковский. . .“, стр. 68.

³⁷ М. Словицкий, см. журнал „Третий май“ 1840 г., стр. 59.

³⁸ Там же, стр. 60.

³⁹ Там же.

³⁹ М. Словицкий, там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Лессур, описывая время Хмельницкого, назвал его самой лучшей эпохой в истории казачества. Каменский в свою очередь принадлежит к обожателям Хмельницкого, потому что он отделил казачество от Польши во имя России. (I с., стр. 220). Спор между Хмельником и Чаплинским упомянутые историки изобразили почти одинаково. По мнению Лессура и Каменского, Чаплинский совершил обычный грабёж, желая из зависти завладеть имением Хмельницкого, которое находилось в Суботове. Каменский говорит о разных низких и подлых средствах, использованных Чаплинским против Хмельницкого. (Там же, стр. 132).

⁴² Там же, стр. 280.

⁴³ Ю. Кияс, „М. Чайковский под обаянием А. Мицкевича“.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Письма Красинского Солтану, Львов, 1883, II том, стр. 195.

⁴⁶ С. Петровичева, „М. Чайковский как писатель-романист“, стр. 40.

⁴⁷ М. Чайковский, „Казачьи повести“, стр. 280—291.

⁴⁸ I с., стр. 10.

⁴⁹ Там же, стр. 70.

⁵⁰ М. Чайковский, „Казачьи повести“, стр. 43.

⁵¹ См. „Мемуары“ Чайковского, стр. 186.

⁵² М. Чайковский, „Кирджали II“, стр. 133—134.

⁵³ Ю. Кияс, „М. Чайковский под обаянием Мицкевича“, стр. 57).

⁵⁴ М. Чайковский, „Казачьи повести“, стр. 275.

⁵⁵ Там же, стр. 277.

⁵⁶ Я. Петровичева, „М. Чайковский как писатель-романист“, стр. 50.

⁵⁷ I с., стр. 19.

⁵⁸ Я. С. Петровичева, „М. Чайковский как писатель-романист“, стр. 52.

- ⁵⁰ I с., стр. 39.
- ⁶⁰ М. Чайковский, „Казацкие повести“ — „Орлик и Орленко“.
- ⁶¹ Я. Петровичева, „Чайковский как писатель-романист“, стр. 53.
- ⁶² Там же, стр. 54.
- ⁶³ Я. Петровичева, „М. Чайковский как писатель-романист“, стр. 54.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же, стр. 56.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Литературный обзор „Край“, Петербург, 1886 г., ном. 7.
- ⁶⁸ „М. Чайковский (Садык паша). . .“, Гавроньский, Петербург, 1901 г.
- ⁶⁹ „Пшеглонд Тыгодзевы“, Варшава 1886 г. стр. 100.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ „М. Чайковский. . .“, Гавроньский, Петербург, 1901 год. стр. 4.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ „Емигрантские силуеты“, Львов, 1904 г. стр. 76.
- ⁷⁶ „Оврученин“, предисловие к изданию нац. библиотеки, I с., ном. 103. ст. III.
- ⁷⁷ Там же.